

— Проснись, Кимимаро, — шепчу я, тихо посмеиваясь.

Я кладу руку ему на плечо и осторожно трясу, пока он не откроет глаза; он моргает, потом потирает их.

— Что ты хочешь?

— Это последняя ночь фестиваля, пойдем со мной посмотреть фейерверк, Кимимаро!

Он стонет, затем перекачивается на бок, спиной ко мне.

— Иди спать, Саюри.

Я надуваюсь, затем сажусь на край кровати и снова трясу его за плечо.

— Не оставляй меня одну, мы ведь повеселились, когда в последний раз сбежали.

— Мы больше не дети, — отвечает он, его голос приглушается подушкой.

Я закатываю глаза и толкаю его.

— Ты снова заболел?

Кимимаро не отвечает, и я вздыхаю. Его тело подводит его, он всегда кашляет кровью, когда перенапрягается, но Кабуто не может его вылечить, и ни одна из таблеток, которые он принимает, не действует. Я снова толкаю его, и он поворачивает ко мне голову. Он смотрит мне в глаза на секунду, прежде чем сказать:

— Я слышал о Масамуне. Как ты?

Я отмахиваюсь.

— Мои глаза в порядке, я только что использовала их на Кабуто. Он не может сломать мое гендзюцу.

Кимимаро вздыхает, затем садится на кровать лицом ко мне. Не знаю, воображение это или нет, но мне кажется, что он похудел. Я не видела его две недели, так как Кабуто должен был подготовить меня и Масамуне к операции, затем потребовалось некоторое время, прежде чем Кабуто разбудил меня из искусственной комы, в которую он меня ввел, и снял повязки с моих глаз. Из-за самоубийства Масамуне я плакала часами, потому что впервые почувствовала себя виноватой в чем-то. Но я отогнала эту вину, и как только Кабуто вошел в мою комнату, чтобы проверить меня, я активировал Мангекьё и подвергла его гендзюцу. Орочимару пришлось уйти в северное убежище, потому что он получил сообщение о том, что Джуго снова впадает в ярость, поэтому он оставил Кабуто на попечение меня и Кимимаро.

— Я не спрашивал о твоих глазах, хотя ты выглядишь так, будто плакала.

— Ты просто воображаешь разные вещи, — отвечаю я немного резко и встаю с кровати. Я бросаю ему рубашку и иду к двери. — Ты идешь?

Беловолосый мальчик снова вздыхает, и я улыбаюсь, закрывая за собой дверь, решая подождать его в коридоре.

— Будь здесь, — говорю я ему, как только выбираю идеальное место на холме, чтобы посмотреть фейерверк. Уже почти полночь, поэтому фейерверк начнется в любую минуту, но я все еще хочу что-нибудь поесть. Лучшая часть фестиваля - уличная еда. — Что ты хочешь поесть?

Кимимаро пожимает плечами, затем прислоняется спиной к стволу дерева.

— Все, что хочешь ты, — отвечает он, затем переводит свое внимание на окружающие нас цветы.

Когда я возвращаюсь, он все еще смотрит на цветы, нежно касаясь их пальцами. Он чувствовал себя подавленным с тех пор, как ему стало плохо, потому что он больше не может стать сосудом Орочимару. Я даже не стану делать вид, что понимаю, почему все эти люди развивают такую сильную преданность Орочимару. Я в точности как Кимимаро, ребенок с уникальными способностями, которого Орочимару нанял и на котором экспериментировал. Но я не хочу становиться сосудом Орочимару, я хочу стать похожей на него, я хочу быть его самым надежным партнером, когда дело касается экспериментов.

— Ты слышишь это? — спрашивает меня Кимимаро, когда я сажусь рядом с ним. Я купила такояки и данго и поставила между нами бумажные коробки, до краев заполненные едой.

Я киваю, когда слышу песню, и мы оба закрываем глаза, пойманные на звуки музыки. Мне нравится эта песня, я должна ее запомнить, - думаю я про себя, стараясь запомнить слова и мелодию.

Я кладу руку ему на плечо и нежно сжимаю, когда начинается фейерверк, и улыбаюсь ему, когда он поворачивается и вопросительно смотрит на меня.

— Ты думала об этом? — он спрашивает меня. Я вопросительно поднимаю бровь, и он продолжает. — О том, чтобы стать сосудом Орочимару на тот случай, если он не сможет уговорить Саске прийти к нам.

Я качаю головой, и он отворачивается.

— Могу ли я доверять тебе, Кимимаро? — внезапно говорю я, возвращая его внимание ко мне. Я замолкаю и останавливаюсь на несколько секунд, размышляя, стоит ли мне рассказать о своем секрете. — Помнишь, когда Кабуто потерял флакон с кровью Саске, который он привез из Конохи? Или когда Орочимару пожаловался на исчезновение змеи, на клыках которой была кровь моего другого брата, Итачи?

Кимимаро кивает, и я сопротивляюсь желанию убрать несколько прядей его серебристо-белых волос с его лица.

— Помнишь, я сказал тебе, что Кабуто послал меня взять немного твоей крови на анализ?

Он снова кивает, и я продолжаю.

— Я не хочу становиться сосудом Орочимару, потому что я создаю для него лучшее.

Глаза Кимимаро расширяются, когда я рассказываю ему о созданном мной гибриде Учиха и Кагуя - я лгу ему и говорю, что я все еще развиваю его, но правда в том, что эмбрион уже находится внутри молодой женщины, заключенной в убежище, которое Орочимару выделил мне после того, как я объявила ему, что хочу попробовать свои силы в экспериментах. Ниндзя-

медики, которые помогли с операцией, уже мертвы и похоронены, так как мне не нужны были свидетели.

— Итак, как видишь, это новое судно будет иметь все, что наш хозяин когда-либо хотел, - кеккей генкай и выносливость вашего клана, а также Шаринган моего клана, — заканчиваю я, глядя на него. — Но не говори Орочимару-саме ничего об этом, на случай, если я завалю эксперимент.

Кимимаро кивает, улыбаясь, затем берет жареный шарик из осьминога.

— Я обещаю сохранить это в секрете, если ты пообещаешь занять мое место вестника, когда я умру.

Я усмехаюсь, а затем набиваю рот едой, чтобы не отвечать. В конце концов, я должна пообещать, потому что он просто так не оставит это. И это последний фестиваль, на который мы пришли вместе.

Тело Кимимаро полностью подвело его во время убийства Четвертого Казекаге, поэтому Орочимару попросил меня отвести его обратно в укрытия, а Кабуто поместил его в интенсивную медицинскую помощь.

К нему прикреплено так много трубок, что он не может двигаться. Я сижу на краю его кровати, смотрю на Проклятую Печать Земли на его груди, и чувствую, как его рука слабо ищет мою.

— Ты можешь спеть мне эту песню? — шепчет он, и я точно знаю, о какой песне он говорит.

Я подчиняюсь и пою для него, изо всех сил пытаюсь сохранить спокойный голос и не обращая внимания на слезы, катящиеся по моим щекам. Мои глаза по-прежнему прикованы к его проклятой печати, и именно в этот момент мне приходит в голову мысль о наличии двух печатей и на моем теле.

— Спасибо, — бормочет он, когда я заканчиваю, несколько раз кашляя.

Я люблю тебя, я хочу сказать ему, но это бесполезно. Он мой лучший друг, и он умирает, подавленный тем, что больше не может быть полезен Орочимару. Я хочу сказать, что мой эксперимент удался. Его зовут Акира, он родился здоровым ребенком. Суррогатная мать умерла во время родов, но у меня в убежище достаточно ниндзя-медиков, чтобы позаботиться о нем должным образом.

Я никогда не позволю Орочимару использовать Акиру как сосуд, я осознаю в этот момент; он слишком драгоценен, в память о Кимимаро.

Когда Орочимару приходит в убежище, чтобы проверить, можно ли использовать Кимимаро в запланированной им атаке на Коноху, я рассказываю ему о своей идее, чтобы он наложил на меня вторую метку проклятия.

— Слишком рискованно, — возражает он в конце разговора. Но я так не думаю. Каждый раз, когда в мою голову приходит идея, я неуклонно ее преследую.

Вот как я в конечном итоге корчусь от боли, запертая на несколько недель в специальном помещении Четверкой Звука, командой шиноби, подчиненной Кимимаро.

Когда я просыпаюсь, я еле могу двигаться, и все мое тело ощущается как открытая рана; Воспоминания о том, как я превратилась в дракона и вылез из запечатанном помещении, наполняют мой разум, уверяя меня, что эксперимент удался.

— Ты наконец проснулась, — говорит мне Кабуто, поправляя очки. — Мы уже потеряли всякую надежду, ты была парализована несколько дней.

Он рассказывает мне о неудавшемся вторжении и о том, как Третий Хокаге отдал свою жизнь, чтобы закрепить способность Орочимару к ниндзюцу. Однако впереди нас ждет кое-что хорошее; Саске принял предложение Орочимару о власти и идет нашим путем.

— Кимимаро ушел, чтобы помочь другим привести к нам Саске-куна, — говорит Кабуто, завершая рассказ. — Боюсь, он не успеет, Орочимару уже выбрал другое судно. Его нынешнее тело больше не могло его поддерживать.

Кабуто отправляет меня залечить и перевязать раны Саске, когда тот наконец прибывает в убежище; он тяжело ранен и у него кружится голова от кровопотери, поэтому, когда он впервые видит мое лицо, прежде чем потерять сознание, он называет меня «мама?».

Я не могу не ненавидеть его; он высокомерный и дерзкий, постоянно твердит о своей мести Итачи. Я ненавижу его из-за того, как на него смотрит Орочимару. Я отказываюсь тренироваться с ним вначале, но в конце концов смиряюсь с этим. Через некоторое время вместе я удовлетворена техникой Чидори, которой он меня научил, а он использует свой Шаринган в полной мере, и мы вместе разработали Чидори Нагаши. Орочимару должен научить его пользоваться мечом Кусанаги, как он учил меня, поэтому я решаю уйти и вернуться в свое убежище, к своим экспериментам... и к Акире.

<http://tl.rulate.ru/book/58660/1505443>